

Пальцы, сжимавшие лист бумаги, мгновенно побелели от напряжения. Лицо Мин Чуньшань помрачнело до предела, а тяжелая атмосфера, исходившая от нее, заставила Жань Чжуцзюнь растеряться: подчиненные за дверью все еще докладывали о ситуации с диким зверем, тогда как лежавшее здесь «соглашение о разводе» жгло руки куда сильнее.

Мысли в голове Жань Чжуцзюнь наконец зашевелились, и первой же догадкой стало —

Все оказалось именно так, как говорила Пинву: этот дикий зверь мастерски умеет притворяться мертвым, раз его не заметил даже детектор.

Но... именно поэтому Пинву должна была понимать, что сейчас настал критический момент. Даже если между ней и Мин Чуньшань действительно вспыхнул какой-то неразрешимый конфликт, она никак не могла завести об этом речь именно в этот момент.

Пока Жань Чжуцзюнь охватила тревога, боковым зрением она заметила, что Мин Чуньшань уже перевернула соглашение о разводе на последнюю страницу, где красовалась личная подпись.

Почерк был изящным и размашистым — принадлежал Ся Пинву.

В тот же миг плечи и шея Мин Чуньшань натянулись струной, мышцы рук напряглись до предела, сдерживая ярость, и в них проступила едва заметная дрожь.

Жань Чжуцзюнь стало не по себе, и она решила положить конец этой сцене: Мин Чуньшань, ты пока можешь пойти сделать звонок, а с диким зверем я разберусь...

Внезапно Мин Чуньшань резким движением сорвалась с места.

Раздался четкий, сухой звук рвущейся бумаги: уже помятый лист в мгновение ока превратился в тугой ком, который Мин Чуньшань до боли сжала в кулаке, после чего резко развернулась и зашагала к выходу.

Фургон, в котором удерживали «погибшего» дикого зверя, стоял прямо во дворе Управления Сверхспособностей. Место находилось слишком близко к жилым кварталам, поэтому, стараясь не тревожить мирных граждан, сотрудники лишь молча окружили машину кольцом и раз за разом бесшумно пускали в центр оцетинившиеся стрелы с мощным транквилизатором.

Этот дикий зверь получил тяжелые ранения и был наглухо заперт в кольцо осады. Он давно уже пластом лежал на земле, не в силах пошевелиться, и лишь непрекращающиеся слабые всхлипывания срывались с его губ.

Но зверь не сдавался.

Его глаза были широко открыты и упорно взирали на ворота Управления Сверхспособностей, словно он кого-то ждал.

И этот кто-то наконец появился.

Мин Чуньшань распахнула дверь и с первого же взгляда увидела распростертого на земле зверя. Не сбавляя шага и даже не обмолвившись словом с оцепленим, она решительно зашагала в тяжелых, стучащих по асфальту берцах прямо к дикому зверю.

Присесть на корточки, податься корпусом вперед — все движения слились в одно целое.

Окружающие прекрасно знали, что Мин Чуньшань совсем недавно сорвала злость на Мао Сицин, а потому какое-то время никто не осмеливался подходить близко. Люди лишь ослабили натиск, держа нацеленные на «дикого зверя» стрелы наготове, и ждали приказа Мин Чуньшань.

Однако Мин Чуньшань казалась словно отрешенной. Встретившись взглядом с диким зверем, она процедила:

— Раз ты так заговорила... Что тебе известно об А-цзэ?

— И не думай меня обмануть, у меня найдется тысяча способов заставить тебя говорить правду.

Видимо, давящая поза наклонившейся вперед Мин Чуньшань испугала зверя: тот слегка приоткрыл пасть, собираясь что-то произнести.

В следующий же миг на лице «дикого зверя» промелькнула злорадная усмешка, сверкнули острые клыки, и он резко бросился вперед, намереваясь вцепиться Мин Чуньшань в сонную артерию!

— Смерти ищешь. — Сдерживаемые слишком долго эмоции наконец прорвали плотину. Мин Чуньшань резко выпрямилась, взмахнула рукой и со всего маху вбила зажатый в кулаке комок бумаги прямо в пасть дикому зверю!

Затем она с силой толкнула руку вперед, да так, что «дикий зверь» невольно издал сдавленный хрип, закатил глаза и в упор уставился на поднявшуюся во весь рост девушку.

Лицо Мин Чуньшань было страшнее тучи. Не ослабляя хватки, она нанесла еще один жестокий удар кулаком.

Физические возможности диких зверей в большинстве своем эволюционировали до невероятного уровня, но сила Мин Чуньшань, казалось, превосходила их все вместе взятые. От этого удара тело зверя перекосило, и он начал заваливаться набок.

Мин Чуньшань слегка отступила в сторону. В этот момент подросла Жань Чуцзюнь, несшая наперевес автомат: короткая очередь пуль — и зверь замер на несколько секунд, окончательно

испустив дух.

На этот раз Жань Чуцзюнь поумнела: она тут же махнула рукой, велев подчиненным проверить жизненные показатели зверя, а сама повернулась к Мин Чуньшань и спросила:

— Возвращаемся немедленно?

Мин Чуньшань бросила на нее взгляд — очевидно, отвечать на столь банальный вопрос она не собиралась — и лишь сухо бросила:

— Отчет напишу завтра.

Жань Чуньшань даже не успела ничего ответить, как та вихрем запрыгнула в машину и со свистом сорвалась с места.

...Разве Мин Чуньшань не забыла переодеться в боевую форму?

*

В салоне машины.

Мин Чуньшань с раздражением сильнее вдавила по педали газа. Тревога оплетала ее сердце, словно лианы, но она гнала от себя мысли о самом худшем исходе, а пальцы тем временем судорожно шарили по поясу в поисках телефона —

Проклятье, выскочила из Управления в такой спешке, что даже боевую форму сменить не успела, а телефон остался не при ней.

Раздражение вспыхнуло с новой силой, и педаль газа ушла в пол до упора.

Пока за окнами с визгом проносились потоки воздуха, мысли в голове Мин Чуньшань неслись с бешеными скоростью —

Когда она уходила из дома, все было в полном порядке, с чего вдруг А-цзэ прислала ей это соглашение о разводе?

Что, черт возьми, произошло между делом?!

...Черт побери, если бы не нежелание нарушать покой А-цзэ, она бы уже давно развесила по всему дому камеры наблюдения!

В этот момент перед глазами наконец показали знакомые очертания здания. Резко вильнув, Мин Чуньшань припарковала машину и, не заботясь о не высохших на одежде следах крови, торопливо зашагала домой —

Время раннее, в подъезде пока пусто, так что свидетелей можно не опасаться.

Шаги невольно ускорились, гулко отдаваясь эхом в предрассветной тишине лестничной площадки.

Лифт двигался слишком медленно, и Мин Чуньшань взлетела по лестнице напролом. Преодолев пару пролетов, она наконец остановилась.

Мин Чуньшань подняла голову и посмотрела на родную дверь.

Дверь была плотно закрыта, а на ней пошловато алели парные весенние надписи — избитые банальные фразы, в которых, однако, таилось самое теплое благословение.

Но человек внутри... наверняка уже ушел.

В конце концов, раз уж даже соглашение о разводе было отправлено прямо в Управление Сверхспособностей, это ясно давало понять: она хотела выиграть время.

Глубоко вздохнув, Мин Чуньшань открыла дверь.

Тишина. Обстановка и расстановка мебели были точно такими же, как в момент ее ухода, даже полумрак...

Полумрак?

Мин Чуньшань прищурилась, заметив полоску света, пробивавшуюся из щели спальни, и слегка нахмурилась.

Приближаясь к спальне, Мин Чуньшань невольно замедлила шаг. Заметив эту привычку уже постфактум, она с самоиронией изогнула губы, а затем толкнула дверь спальни —

В мягком, теплом желтоватом свете лампы кто-то слегка склонил голову, изучая то, что лежало на письменном столе.

Услышав шум, этот человек чуть повернулся и встретился взглядом с замершей у двери Мин Чуньшань.

Ясный, пронзительный взгляд — точь-в-точь как много лет назад.

В тот момент у Мин Чуньшань перехватило дыхание.

Это А-цзэ.

Она никуда не ушла.

...

Ся Пинву молчала.

Ее взгляд скользнул по Мин Чуньшань, очертил ее с ног до головы, после чего она выпрямилась.

И повернулась лицом к Мин Чуньшань.

Они стояли друг напротив друга.

Но вдруг Мин Чуньшань резко отвела взгляд.

Непонятно почему: хотя Ся Пинву стояла прямо перед ней, тревога в душе не только не утихла, но и возросла стократно — до такой степени, что у Мин Чуньшань пропала храбрость даже смотреть ей в глаза.

Она перевела взгляд и бесцельно обвела им комнату, пока он наконец не остановился на письменном столе —

Именно на том самом месте, которое только что так внимательно рассматривала Ся Пинву.

Там стояли две фотографии. На одной красовался их свадебный портрет.

Рядом с ним примостился старый, уже пожелтевший от времени снимок.

Юные Ся Пинву и Мин Чуньшань стояли плечом к плечу, облаченные в абсолютно одинаковую боевую форму Управления Сверхспособностей, а в их взглядах читались неукротимая дерзость и высокомерие.

А позади них слегка улыбалась сжатыми губами капитан боевого отряда Управления Сверхспособностей —

Наставница Ся Пинву и мать Мин Чуньшань.

К сожалению, прошло уже семь лет.

Мин Чуньшань невольно погрузилась в оцепенение, все ее эмоции были задавлены до предела, порождая абсурдное чувство пустоты:

Прошло семь лет, они жили душа в душу, и даже если между ними случались мелкие размолвки, дело никогда не доходило до развода.

Здесь кроется какая-то скрытая причина, которую она упустила из виду.

Но с другой стороны... А-цзэ никогда не совершала импульсивных поступков, а если уж решалась на что-то, то пути назад не было.

Оставит ли она ей хоть шанс на оправдание?

Среди бушующего вихря мыслей к рамке свадебного фото вдруг протянулся белый палец.

Неизвестно когда Ся Пинву снова опустила голову и, рассеянно поглаживая снимок, заговорила.

Она произнесла:

— Хм, хотя я и не сомневаюсь в своей неотразимости...

— Но заводить романтические отношения я пока не планирую.

Взгляд Мин Чуньшань замер, и то, как она уставилась на Ся Пинву, стало осязаемым.

Ее вьющиеся длинные волосы закрывали уши, прикрывая чуть обнаженные ключицы и скрывая выражение лица Ся Пинву.

Но хотя Мин Чуньшань не могла рассмотреть ее лицо, она отчетливо уловила интонации в ее голосе.

В нем слышалось некоторое недоумение, но куда больше — самодовольства.

Она уже давным-давно не слышала таких ноток в голосе А-цзэ.

И к тому же... что она сказала? Роман? Какой еще роман?!

Мин Чуньшань машинально протянула руку к кобуре на поясе, несколько секунд поколебалась, медленно сделала шаг вперед и тихо спросила:

— А-цзэ, о чем ты говоришь?

— Я говорю про эту... фотографию.

Одна рука Ся Пинву все еще гладила свадебный снимок, а вторая нервно теребила край одежды. В ее голосе впервые прорезалась небывалая заминка:

— Не думала, что ты так мастерски владеешь навыками ретуши. Честно говоря, если бы я не знала, что мы никогда не делали подобных фото, я бы и вправду подумала...

Ся Пинву не договорила, но эти слова уже породили в душе Мин Чуньшань пугающую догадку.

Сделав несколько шагов вперед, она попыталась ухватить жену за плечи, но Ся Пинву уже подняла глаза и указала пальцем на соседнюю фотографию:

— А это... мы с тобой вчера после поступления в академию?

Вчера? После поступления в академию?

Пальцы Мин Чуньшань оцепенели.

В этот момент Ся Пинву с ног до головы окинула взглядом саму Мин Чуньшань, и в ее голосе зазвучало еще большее недоумение:

— Почему ты выглядишь такой потрепанной? Ты что... тайком бегала на задания с Наставницей?

Мин Чуньшань невольно отступила на шаг:

— ...Нет. Постой здесь, никуда не уходи, я переоденусь и все тебе объясню.

Она пристально посмотрела на Ся Пинву и повторила:

— Жди меня здесь, я мигом.

...

Ся Пинву не стала никуда уходить. Когда Мин Чуньшань вернулась, она все еще стояла в той же позе.

Даже когда Мин Чуньшань стала объяснять ей, что на дворе стоит мир спустя целое десятилетие — ее лицо не дрогнуло.

С того момента в воспоминаниях Ся Пинву минуло десять лет.

Спустя три года после той точки вспыхнула великая битва, в которой погибла Наставница. После этого Мин Чуньшань призналась ей в чувствах, и они поженились.

И вот сегодня шел уже седьмой год после свадьбы.

Ся Пинву лишь долго молчала, а когда наконец заговорила снова, ее первыми словами были:

— Я могу навестить Наставницу?

Затем Ся Пинву воспользовалась моментом, чтобы поднять глаза и пристально разглядеть стоящую перед ней женщину, которая с каждым днем становилась все зрелее —

Время оставило на Мин Чуньшань неизгладимый след: оно сохранило свойственную ей юношескую нежность, но в то же время добавило ей решительности и твердости.

Она видела, что Мин Чуньшань тоже смотрит на нее в ответ, услышала ее слова, слегка замерла, а затем тихо рассмеялась, произнеся:

— Годовщина смерти матушки была как раз вчера, ты уже ходила к ней на могилу.

Ся Пинву кивнула и окинула взглядом комнату:

— Значит, это... наше жилье?

— Это наш дом. — поправила Мин Чуньшань. На этот раз она не стала, как обычно, хватать ее за руку, а мягко произнесла: — Время уже позднее, давай сначала выспимся. А все остальные вопросы обсудим завтра, хорошо?

Ся Пинву снова кивнула, выглядя неожиданно послушной.

Затем, словно что-то вспомнив, она обернулась на кровать, где только что спала, и с некоторым сомнением произнесла:

— Мы... спим здесь вместе?

Здесь было очень просторно и тепло — судя по всему, это их общая супружеская спальня.

Спать... вместе?

Мин Чуньшань поняла ее сомнения и указала на постель:

— Ты спишь здесь.

— А по соседству есть гостевая комната. Я приму душ, а после лягу там.

Ся Пинву едва слышно выдохнула, ее до предела напряженные плечи слегка расслабились, и она машинально бросила:

— Спасибо.

Какая же она чужая и осторожная, эта А-цзэ.

Впервые видит ее такой.

Мин Чуньшань мысленно улыбнулась, не показывая виду, и уже собиралась повернуться:

— Ну тогда я пошла? Отдыхай здесь хорошенько, если возникнут любые вопросы — стучи в мою дверь.

Ся Пинву кивнула и последовала за Мин Чуньшань к выходу, видимо, желая проводить ее.

Но в следующую секунду Мин Чуньшань неожиданно замерла и чуть повернула голову.

Заметив это, Ся Пинву в растерянности остановилась и, тщательно подбирая слова, спросила:

— ...Тебе нужно... захватить еще одно одеяло?

Этот растерянный вид был до того умильным, что Мин Чуньшань не удержалась и тихонько рассмеялась. Сделав шаг вперед, она едва заметным движением поправила прядь волос Ся Пинву, покачала головой и нежно произнесла:

— А-цзэ.

Ся Пинву пронзительно посмотрела на нее.

Мин Чуньшань легко улыбнулась, и мягкий свет очертил ее черты лица, заставляя звучать голос почти соблазнительно:

— Ты правда не хочешь лечь со мной?

<http://bllate.org/book/20886/2111647>